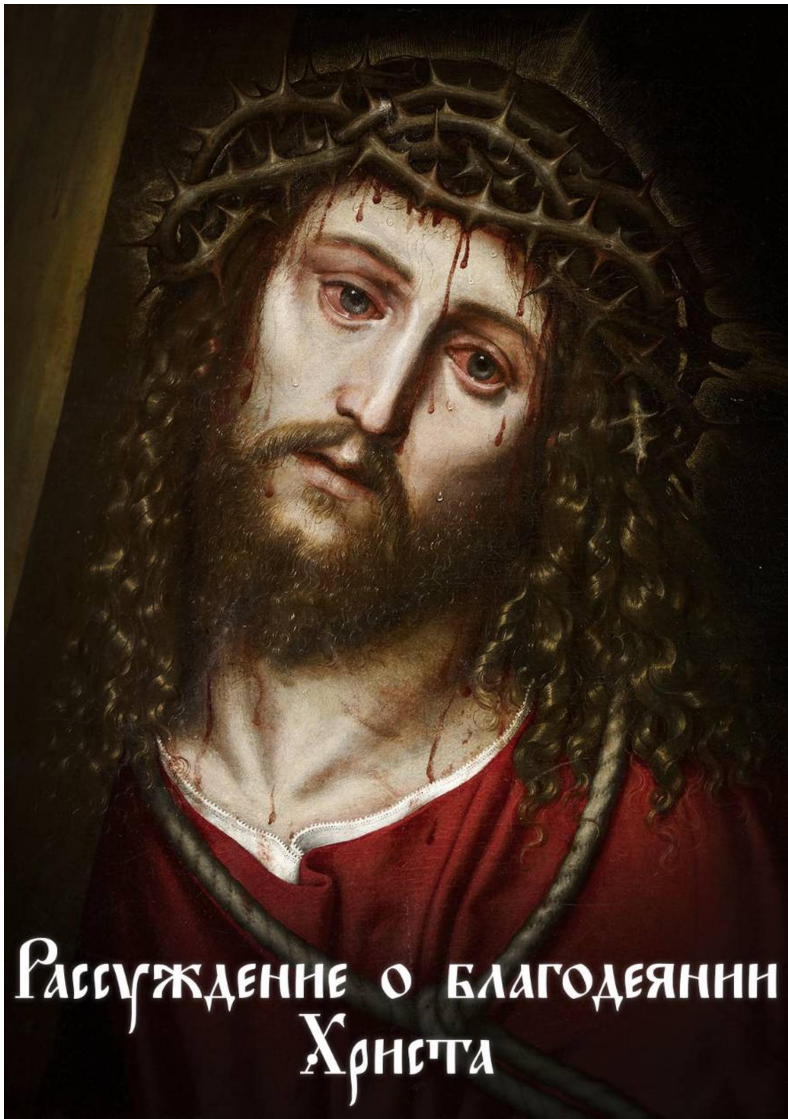

Рассуждение о благодеянии
Христа

Павел Тарсянин

Рассуждение о благодеении Христа

<https://litres.ru/74459623>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даже если моя вера слаба, я все равно имею то же сокровище и того же Христа, что и другие. Нет никакой разницы... Это похоже на двух людей, каждый из которых имеет сто гульденов. Один может носить их в бумажном мешке, а другой в железном ларце. Однако... они оба владеют одинаковым сокровищем.

Павел Тарсянин
Рассуждение о
благодеении Христа

Рассуждение о благодеянии Христа

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА I.

О том, что мы носим сокровище в глиняных сосудах, и о дивной силе

Божией, что совершается в немощи человеческой, как сие открывается в

апостолах и во всей Церкви.

ГЛАВА II.

О вине христианина, которая, будучи познанной, пробуждает от мёртвого

сна и приводит душу к стыду, сомнению и, наконец, к той живой вере, что

уже не от человека, но от Бога.

ГЛАВА III.

О личной вере, которая есть всецелое принятие уже дарованного во

Христе, и о том, как душа через неё укрепляется среди немощей и

заблуждений мира.

ГЛАВА IV.

О духовном различении, которое есть трезвенное испытание путей, а не

суд над душами, и о том, как душа, озарённая свыше, научается видеть

истину, не переступая заповеданной границы.

ГЛАВА V.

О смирении, которое есть трезвенное познание себя и тихое стояние перед

Богом, и о том, как душа чрез него принимает всё из руки Отчей.

ГЛАВА VI.

О молчании, которое есть плод смирения и преддверие любви, и о том, как

душа в тишине научается слышать Бога.

ГЛАВА VII.

О любви к ближнему, проистекающей из живой веры, о том, что она есть

вершина всех дарований, и о дивной её способности достигать даже

сломленных и истончившихся душ, которые, всё утратив, в одной лишь

любви обретают последнюю связь с Богом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

Это святейшее учение, которое возвышает Иисуса Христа и низлагает гордыню человека, было и всегда будет оспариваемо теми христианами, которые имеют иудейские умы. Но блажен тот, кто, следуя святому Павлу, совлекается всей своей собственной праведности, кроме той, что приходит через Иисуса Христа. Облачившись в неё, он может безопас-

нейшим образом предстать в очах Бога Отца и получить от Него благословение и наследие неба и земли — вместе с Его единственным природным Сыном, Христом Иисусом, Господом нашим, Которому слава вовеки.

Сие оправдание даётся человеку не через дела закона, но через живую веру, которая одна делает нас причастниками праведности Христовой. Ибо вера облакает душу во Христа, делает её единой с Ним, так что всё, что принадлежит Ему, становится достоянием верующего. Потому апостол и говорит, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона. Не потому, что дела не нужны, но потому, что они суть плод, а не корень. Огонь жжёт сам по себе, а свет лишь свидетельствует о пламени. Так и вера оправдывает одна, но никогда не остаётся без света добрых дел.

Истинная вера, однажды возгоревшись в сердце, производит тишину в совести и мир с Богом. Человек, прежде бежавший от лица Господня, начинает взывать к Нему как к Отцу. Закон, что прежде лишь обличал, становится путеводителем, а не господином. И даже скорби, постигающие христианина, принимаются не как кара, но как отеческое наставление.

Сие и есть благодеяние Христово — дар, превосходящий всякое разумение. И тот, кто всем сердцем принял его, уже не принадлежит ни Закону, ни смерти, ни миру сему. Он — Божий, и Бог — его.

ГЛАВА I.

О том, что мы носим сокровище в глиняных сосудах, и о дивной силе

Божией, что совершается в немощи человеческой, как сие открывается в

апостолах и во всей Церкви.

Возлюбленный брат, задумаемся ненадолго о странной участи апостола Павла. Кто был он прежде, нежели Господь остановил его на пути в Дамаск? Гонитель Церкви, дышавший угрозами и убийством на учеников Господних, фарисей, испытанный в Законе и непорочный по правде законной, — и вот сей муж, ревнитель отеческих преданий, становится величайшим глашатаем Того, Кого прежде гнал. Что же пишет он, бывший фарисей? «Человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Рим. 3:28). Слова эти суть не простое наставление, но сокрушение стены, стоявшей от Моисея, — той самой стены, за которой он сам некогда укрывался, полагая в ней свою праведность; ныне же он выходит наружу и зовёт всех прочих, свидетельствуя, что за оградою закона нет спасения, как сам он говорит: «Если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (Гал. 2:21). Слова эти легли в основание веры, на них, как на незыблемом камне, утверждена Церковь; но минули века, и та самая Церковь, что с благоговением осталась хранить его послания и звать людей к Иисусу, решила, что она не наместник, а регент тишайшего Христа, и его немногословие требуется вос-

полнить правдой закона. Что это, как не свидетельство всё той же немощи человеческой, по которой мы, принимая дар, тотчас пытаемся обратить его в заслугу и, вкусив свободы, спешим оградить её правилами, дабы чувствовать себя в безопасности? «Когда пришла заповедь, — исповедует он, — то грех ожил, а я умер» (Рим. 7:9); потому, читая Павла, будем помнить: он не для того писал, чтобы мы строили новые стены, но для того, чтобы мы вышли из всякой темницы, как он вышел из своей. И пусть всякий, кто сомневается в своём спасении, услышит его слова, обращённые к колеблющимся: «Христос ничем не помогает вам, желающим оправдаться законом; вы отпали от благодати. Мы же духом ожидаем и надеемся праведности от веры» (Гал. 5:4—5). Здесь мнится сама природа вещей, входящих в мир: всякая истина, сколь бы ни была она чиста и небесна, нуждается в сосуде, дабы хранить её, но установления, воздвигнутые для хранения, со временем начинают теснить то, что призваны были лишь оберегать. Естественное движение всего земного: тяжесть стремится вниз, и даже святыня, облечённая в форму, испытывает на себе этот закон. Не об этом ли говорил сам апостол, когда писал, что «мы носим сие сокровище в глиняных сосудах, чтобы преизбыток силы был Божий, а не наш» (2 Кор. 4:7)? Слово, рождённое в тишине галилейских холмов, зазвучало под сводами базилик; Церковь, призванная хранить имя Христово, как невеста хранит имя мужа, нередко превращала Его в знамя, и в этом превращении есть

не только потеря, но и некая таинственная необходимость, ибо как иначе могла бы весть о распятом Иудее достигнуть пределов земли, если не через то, что Церковь приняла на себя бремя государственного служения?

Но камнем в основании Церкви нарекли не Павла, а Петра, Симона, сына Ионина. Он не дышал угрозами на учеников Господних; он любил Учителя горячо — до меча в Гефсимании, до клятвы о верности, но когда пропел петух, Камень дал трещину. Когда Господь спросил учеников, за кого они почитают Его, Пётр ответил: «Ты — Христос, Сын Бога Живого» (Мф. 16:16), и в этих словах заключено всё исповедание Церкви. Господь не сказал: «Блажен ты, ибо достоин был так помыслить», — Он сказал: «Не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф. 16:17). Так вышло, что прежде, чем Пётр стал камнем, Отец вложил в него то, что сделало его таким, и камень этот — не человеческая твёрдость, а вера, рождённая свыше. Пётр ещё падёт, усомнится, отречётся, заплачет горько, но камень останется, потому что положен не Петром, а Богом, и всякая душа, однажды соединённая со Христом такой верой, уже не может быть отторгнута — не потому, что она сильна, но потому, что силён Тот, Кто держит её.

Когда он уже возглавлял общину, уже принял Духа в Пятидесятницу, уже исцелял тенью своей, ему, молящемуся на кровле, было видение: полотно, спускающееся с неба, а в нём — звери, пресмыкающиеся, птицы, всё то, что Закон на-

зывал нечистым, и глас: «Встань, Пётр, заколи и ешь» (Деян. 10:13). Но Камень воспротивился: тот, кто трижды отрёкся от Христа во дворе первосвященника, теперь трижды отрёкся от свободы во имя Закона, говоря: «Нет, Господи, ибо я никогда не ел ничего скверного или нечистого» (Деян. 10:14). Тот, кому были даны ключи Царства, не хотел открывать дверь, за которой стоял язычник Корнилий, и стена, которую Павел разрушал снаружи, держала Петра изнутри, так что он не мог перешагнуть через неё сам. Потребовалось, чтобы Бог повторил трижды: «Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» (Деян. 10:15), — и лишь тогда Пётр вошёл в дом язычника. Но значило ли это, что Камень утвердился навеки и стена позади него рухнула окончательно? Увы: позже, в Антиохии, он свободно ел с обращёнными язычниками и жил не по-иудейски, но когда пришли «некоторые от Иакова», Камень поколебался вновь, отстранился, таился, увлёк за собою Варнаву, ибо страх перед обрезанными оказался сильнее откровения, полученного на кровле. И потребовался Павел — тот самый Павел, бывший фарисей, — чтобы обличить его публично: «Если ты, будучи Иудеем, живёшь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?» (Гал. 2:14). Если даже Пётр, краеугольный камень, носил в себе трещину, то что говорить о нас, и если Господь не отверг его и восстановил, то не отвергнет и всякого, кто, падая, не перестаёт любить.

В том Риме, где вершились все грехи и мерзости мира,

пребывает Святой Дух. Поскольку Церковь, какой бы ни была, остаётся Церковью. Она — тот самый глиняный сосуд, в который Господь вложил Своё сокровище, и без этого сосуда, без этой видимой, иерархической и всегда грешной структуры, свет Евангелия не достиг бы пределов земли. Но величайший грех её не в том, что она грязна в своей гордыне, а в том, что она часто загораживает собой Христа. Держа в руках свет, она слишком часто ставит себя на его место, заслоняя собой то, на что призвана лишь указывать. Но было бы подлостью считать, что одна только Римская церковь несёт на себе это бремя; не переходя к культурной идентичности, вспомним, что на Востоке было целых два Рима, также страдающих от немощи человеческой. Эту печальную закономерность не миновали и те, кто восстал против Рима во имя свободы. По привычке они снова сгибаются, ожидая тяжести, и вот уже ревнитель благодати, вчерашний обличитель Рима, пишет новый катехизис, вот уже его ученики спорят о предопределении с той же яростью, с какой их отцы спорили об индульгенциях, а Христос, даровавший свободу, снова отодвигается в тень — на сей раз не папскими декретами, но протестантскими формулами. Закон Моисея был свят, ибо дан Богом, но он стал проклятием для тех, кто пытался им оправдаться; так и учение, возвращающее к истокам, свято — но становится проклятием, когда из него куют цепи нового благочестия. Ибо можно провозгласить благодать достаточной, но если сия благодать остаётся

лишь утверждением ума, а не криком сердца, она есть та же мёртвая оболочка, которую срывали с католических святых; можно возвести Писание на престол, но если его слова превращают в свод

правил, а не внимают им как живому голосу Божию, оно делается тем же, против чего восстали. И когда верующего судят не по плодам духа, а по тому, принял ли он ту или иную формулу, — разве не то же это иго, которое сами они отказались нести? Вот почему блажен тот, кто помнит: не в букве дело, но в Духе, не в следовании тому или иному катехизису, но в непрестанном обновлении сердца, ибо Господь не вверял Свою Церковь ни одному исповеданию, ни одному уставу, но запечатлел её Духом Святым, Который дышит, где хочет, и не заключается в словах, как бы верны они ни были. Иначе всякая реформация обречена стать лишь прологом к следующей, а человек — вечно блуждать между свободой и законом, не находя ни того, ни другого, ибо буква убивает (2 Кор. 3:6) — и буква истины, понятая как закон, убивает не меньше.

«Мир полон святынь, и каждая из них подлинна, даже если подлинность одной отрицает другую. У святой Анны — две головы, и обе настоящие: одну покажут вам в Дюрене, другую — в Лионе, так что остаётся лишь гадать, было ли у матери Девы Марии два тела или просто две головы. Апостолов было двенадцать, но мощей их хватило на двадцать четыре. Гвоздей Креста — три, но размножились они так, что

их можно найти в Риме, Милане, Кёльне, Париже и Леоне, и это не считая того гвоздя, что бросили в Адриатическое море для усмирения бури. Из щепок Истинного Креста можно было бы нагрузить дровами целую телегу. Молочных зубов, выпавших у Христа в младенчестве, только во Франции набралось больше пяти сотен; молока Богородицы, волос Магдалины и коренных зубов святого Христофора — вовсе не счесть. А если добавить к этому крыло архангела Гавриила, тень посоха Святого Иакова, перья Духа Святого и кафтаны Святой Троицы — то станет ясно, что тут не смеяться, а плакать надо». И если можно вложить всю иронию на предмет мирских привязанностей Церкви в одно изображение, то, пожалуй, им стали бы катакомбные святые — истлевший скелет, покрытый нетленным металлом. Сколь много трясли Церковь за её нелепый вид, но что редко приходит на ум обличителям: церковь, лишённая серебра, опасна не святостью своею, но безудержностью, потому что тот, кто носит рубище, получает моральное право судить носящих порфиру; ему нечего терять, и потому с ним нельзя договориться, он не кормит голодных, не содержит приютов, но может вести за собой, и история свидетельствует, чем это оборачивается — восстаниями и кровью, что льётся уже не за веру, а за идею, прикрытую именем веры. Церковь же, имеющая серебро, по крайней мере, уязвима: её можно упрекнуть, её можно призвать к ответу, она вплетена в земные обязательства и потому вынуждена договариваться, а не только про-

рочествовать, и это не добродетель, но скорее трезвость, навязанная обстоятельствами: серебро связывает, но оно же и удерживает от крайностей, ибо бедная церковь свободна, и свобода эта страшна.

Почему-то вспоминается Иуда, которому был вверен ящик с пожертвованиями, как Церкви вверено сокровище веры; он заботился о телесном, когда прочие внимали небесному, и в этом служении открывается нечто важное: серебро, которое должно служить, легко становится предметом служения, и ящик, вверенный для раздачи, начинает казаться собственностью того, кто его носит. Когда женщина излила на ноги Христа драгоценное миро, Иуда возмутился словами, казалось бы, разумными и милосердными: «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?» (Ин. 12:5) — но сердце его уже было отравлено, ибо он не мог вынести, что кто-то приближается к Учителю с такой безоглядной любовью, в то время как он сам остаётся в тени; его любовь — любовь слуги, который хочет быть единственным, — столкнулась с любовью, которая ничего не требует, и он не выдержал. Иуда был прощён, как прощены все люди, но не нашёл в себе силы принять этот дар, поскольку пал жертвой того самого искушения, что знакомо всякой душе, услышавшей благую весть и затрепетавшей от ужаса: «Достоин ли я? Меня ли касается это прощение? Неужели и мои мерзкие грехи покрыты?» Когда он увидел, что сделал, стыд объял его с такой силой, что разум помутился, а

вера, ещё недавно твёрдая, надломилась под тяжестью вины, и он не усомнился в истине, не отрёкся от Учителя словами, но падение его было глубже и тише: он не выдержал того, что составляет, быть может, самое трудное испытание для всякой прегрешившей души — остаться жить, зная, что ты прощён. Иуда не стерпел главного чувства христианина — стыда, того самого стыда, который присущ всем прощённым, ибо только прощённый знает цену своего греха. Стыд этот свят: он рождается не из страха наказания, но из любви к Тому, Кого оскорбил, однако в нём же таится и величайшая опасность, ибо стыд может привести к покаянию, а может — к отчаянию, может омыть душу слезами, а может утопить её в бездне самоосуждения. Пётр тоже пал, тоже плакал горько, но слёзы его омыли его, и он вышел вон и плакал — и в этом плаче уже было начало воскресения; Иуда же, осознав содеянное, не заплакал, а пошёл и удавился, не потому, что Христос не простил бы его, — простил бы, как простил Петра, как простил распинателей, как простил весь мир, — но потому, что Иуда не принял это прощение. Пётр, при всей своей немощи, удержался в вере, и даже отрекаясь, знал, что Господь не отвергнет его, а когда воскресший Христос трижды спросил его: «Любишь ли ты Меня?» (Ин. 21:15—17) — Пётр уже не клялся в верности, но смиренно отвечал: «Ты всё знаешь» (Ин. 21:17), вручая себя Тому, Кто знает его сердце лучше, чем он сам. Так и Церковь, уподобленная Иуде, стоит перед этим выбором: она носит ящик с сереб-

ром и кормит храм телесный, она грешит и оступается, видит свой грех и устыжается его, но она же может принять прощение и жить — или, устыдившись, осудить себя и умереть духовно. И если она выбирает жизнь, то лишь потому, что помнит: не Иуда, а Пётр стал камнем в её основании, — не тот, кто повесился, но тот, кто заплакал и был восстановлен, не тот, кто сам вершил суд над собой, но тот, кто доверил свой суд Господу. Ибо стыд христианина свят, но свят он лишь тогда, когда ведёт не к смерти, а к воскресению. И теперь, помышляя о всём сказанном, припомним ещё одно: тот же апостол, что назвал нас сокровищем, носимым в глиняных сосудах, сказал и иные слова: «Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо когда я немощен, тогда силён» (2 Кор. 12:10). Вот тайна, в которую вплетены равно и Пётр, и Иуда, и сама Церковь: не наша крепость, но наша немощь, вручённая Тому, Кто силён, становится вместилищем Его силы. Потому мы не отчаиваемся, но и не гордимся; мы только носим — и носим с надеждой, что Тот, Кто вверил нам это сокровище, Сам и сохранит его, и нас вместе с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.